

А.Н. Пятаков*

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ВОЕННО-СИЛОВЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Одним из наиболее острых «новых вызовов» международной безопасности является транснациональная организованная преступность (ТОП), что связано как с ее прямыми экономическими и социальными последствиями, так и с угрозой, которую она представляет самому институту суверенного государства. Особенно остро данная проблема стоит в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), превосходящих другие регионы по уровню активности ТОП и влиянию трансграничных криминальных группировок (ТКГ). Настоящее исследование призвано проследить современные тенденции развития феномена ТОП в указанном регионе и выявить особенности подходов латиноамериканских стран к борьбе с ним. В первом разделе статьи обосновывается тезис, что ТОП является не аномалией, а органической частью, атрибутом процесса глобализации. С этой точки зрения ТКГ предстают как специфическая разновидность транснациональных корпораций (ТНК). Во втором разделе рассмотрены основные тенденции развития и особенности организованной преступности в странах ЛАКБ, что позволило автору выявить ряд общих черт в деятельности ТКГ и ТНК. В частности, и те, и другие своей активностью способствуют эрозии принципов национального суверенитета, стремясь легальными и нелегальными средствами вытеснить государства из зоны своих интересов. В третьем разделе проанализированы современные подходы стран ЛАКБ к борьбе с ТКГ. Автор подчеркивает тенденцию к усилению роли вооруженных сил в противодействии организованной

* Пятаков Андрей Николаевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок, Институт Латинской Америки РАН (e-mail: anpyatakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3934-958X).

преступности и в целом растущую милитаризацию общественной безопасности. Эта тенденция к «полициализации» вооруженных сил, с одной стороны, свидетельствует о признании руководством латиноамериканских государств масштабов угрозы, исходящей от ТКГ, но с другой — говорит об их неспособности системно с ней бороться. Автор заключает, что проблема ТОП является нерешаемой в рамках существующей системы общественных отношений в странах ЛАКБ, поскольку коренится в самой природе современной модели глобализации.

Ключевые слова: транснациональная преступность, организованная преступность, Латинская Америка, глобализация, транснациональные корпорации, наркотрафик, картель, международная безопасность, «полициализация» вооруженных сил, государственный суверенитет

Для цитирования: Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93.

Andrey N. Pyatakov

**TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME
IN LATIN AMERICA:
CURRENT TRENDS AND PROSPECTS
FOR MILITARY CRIME-FIGHTING OPERATIONS**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

Transnational organized crime (TOC) is among the most pressing new challenges to international security due to both its direct economic and social repercussions and the threat it poses to the very institution of the sovereign state. This problem is particularly acute in the countries of Latin America and the Caribbean (LAC), which are marked by exceedingly high rates of TOC activity and influence of cross-border criminal groups. This study identifies current trends in the development of TOC in the region, as well as the approaches of the Latin American countries to combating it. In the first section the author advances a hypothesis that TOC is not an anomaly, but an integral part and an attribute of globalization. From this point of view, cross-border criminal groups may be

perceived as a specific kind of TNCs. The second section considers the key trends and specific features of organized crime development in LAC countries. The author shows that cross-border criminal groups and TNCs share a number of common traits. In particular, their activities contribute to the erosion of national sovereignty as they seek to oust states from their sphere of interests by both legal and illegal means. The third section examines the current approaches of LAC countries to combating cross-border criminal groups. The author emphasizes the growing role of the armed forces in fighting organized crime, and the increasing militarization of public security on the whole. On the one hand, this trend towards the 'policialization' of armed forces shows that the authorities of Latin American states recognize the threat posed by cross-border criminal groups. On the other hand, it indicates their inability to counter this threat effectively. The author concludes that the TOP problem is unsolvable within the existing system of public relations in LAC countries, since it is rooted in the very nature of the current model of globalization.

Keywords: transnational crime, organized crime, Latin America, globalization, transnational corporations, drug trafficking, cartel, international security, militarization of police, state sovereignty

About the author: *Andrey N. Pyatakov* — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Center for Analytical Research, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: anpyatakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3934-958X).

For citation: Pyatakov A.N. 2023. Transnational organized crime in Latin America: Current trends and prospects for military crime-fighting operations. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93. (In Russ.)

Феномен транснациональной организованной преступности (ТОП) приобрел в XXI в. поистине глобальное измерение, став по объему финансового оборота внутри этой сферы довольно мощным сегментом мировой экономики. По оценкам, за прошедшее десятилетие его емкость выросла более чем вдвое. Так, если в 2009 г. годового оборот в этом теневом глобальном секторе составлял 870 млрд долл.¹, то к 2021 г. данный показатель увеличился до 2 трлн долл.²

¹Delincuencia organizada transnacional: la economía ilegal mundializada // Oficina de las Naciones Unidas contra la Droga y el Delito. Available at: <https://www.unodc.org/toc/es/crimes/organized-crime.html> (accessed: 30.06.2023).

²Ruiz-Healy E. La DOT sería la décima economía del mundo si fuera un país // Ruiz-Healy Times. 01.07.2022. Available at: <https://www.eleconomista.com.mx/opinion/>

Помимо возрастания абсолютных количественных показателей произошел рост и относительной доли этого сегмента в мировом ВВП: составляя в 2009 г. 1,5%, к 2021 г. он уже превысил уровень в 2%. Яркой иллюстрацией глобального экономического веса ТОП служит следующий факт. Если бы данный сектор можно было сопоставить с ВВП крупнейших национальных экономик мира, то он занял бы в общемировом рейтинге 10-ю позицию, уступив лишь США (25,3 трлн долл.), Китаю (19,9), Японии (4,9), Германии (4,3), Индии (3,5), Великобритании (3,4), Франции (2,9), Канаде (2,2) и Италии (2,1 трлн долл.) и опередив 207 остальных государств³.

Проблема феномена ТОП является настолько глобальной и угрожающей безопасности мирового сообщества в целом, что поставлена в Повестку дня в области устойчивого развития ООН. Так, пункт 16.4 Целей устойчивого развития сформулирован как консолидация глобальных усилий по минимизации незаконных финансовых потоков и каналов сбыта незаконного оружия, поиску и возврату украденных в ходе реализации коррупционных схем средств и борьбе со всеми формами организованной преступности⁴. Вместе с тем поставленная таким образом задача для адекватного решения требует не только качественных подходов к изучению ТОП, но и ее точного количественного измерения.

Представляется, что для оценки остроты проблемы криминалитета по регионам мира наибольшей релевантностью обладает комплексный Глобальный индекс организованной преступности (таблица). Данный интегральный показатель высчитывается по четырем ключевым параметрам: уровень криминалитета, объем криминальных рынков, степень влиятельности криминальных групп в общественно-политическом пространстве и их институциональная устойчивость. Данные критерии численно варьируют

La-DOT-seria-la-decima-economia-del-mundo-si-fuera-un-pais-20220701-0003.html (accessed: 30.06.2023).

³ Ibidem.

⁴ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 21.10.2015. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.06.2023).

от 1 до 10 (приближение к максимальному значению указывает на негативную тенденцию).

Глобальный индекс организованной преступности по регионам (2020)

Регион	Уровень криминалитета	Объем криминальных рынков	Влиятельность криминальных групп	Устойчивость криминальных групп
Азия	5,30	5,21	5,38	4,46
Африка	5,17	4,94	5,40	3,80
Европа	4,48	4,21	4,76	6,23
Океания	3,07	2,98	3,16	5,46
Западное полушарие	5,06	4,70	5,43	4,83
Северная Америка	4,58	4,48	4,69	6,92
Южная Америка	5,51	5,19	5,82	4,86
Карибский регион	4,05	3,65	4,45	4,96
Центральная Америка	6,16	5,72	6,61	4,05
В среднем по миру	4,87	4,65	5,09	4,82

Составлено автором на основе: Índice global de crímenes organizado 2021 // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Available at: <https://ocindex.net/assets/downloads/global-ocindex-report-spanish.pdf> (accessed: 30.06.2023).

Из таблицы видно, что два латиноамериканских субрегиона — Южная Америка и Центральная Америка — демонстрируют значения негативных параметров, приближенные к максимальным и превышающие показатели не только Западного полушария, но и других регионов мира. Такое положение вещей остается константой на протяжении XXI в., что продемонстрировано во множестве отечественных и зарубежных исследований.

Одной из центральных и основополагающих работ по изучению феномена ТОП в отечественной латиноамериканистике остается фундаментальная монография, вышедшая в 2002 г. [Транснациональный наркобизнес..., 2002]. В ней исследованы становление и динамика развития ведущих преступных макроорганизаций (наркосиндикатов, картелей и др.) региона, особенности функционирования транзитных наркосетей не только в масштабе Западного полушария, но и в глобальном измерении. В монографии дано теоретическое обоснование и проведена эмпирическая апробация

понятия «транснациональная наркомафия» как ключевого субъекта данного направления ТОП. Кроме того, в указанной работе впервые в отечественной науке предприняты аналитические усилия по рассмотрению силовых методов профилактики организованной преступности, что особенно важно с точки зрения тематики настоящего исследования. В этой же монографии сформулирован чрезвычайно важный теоретический тезис, лежащий в плоскости осмысления влияния ТОП на процессы эрозии государственного суверенитета: «Живучесть транснациональных преступных организаций в немалой степени связана также с тем, что в своих операциях они полностью игнорируют национальный суверенитет и границы государств, в то время как ведущие с ними борьбу международные и национальные силы обязаны действовать по строгим правилам, устанавливаемым этими атрибутами государственности» [Транснациональный наркобизнес..., 2002: 49].

Продолжением данного исследования в отечественной латиноамериканистике стали труды, изданные под редакцией российского политолога Б.Ф. Мартынова в 2006 и 2014 гг. [Трансграничный терроризм..., 2006; Организованная преступность..., 2014]. В них проблематика латиноамериканского аспекта транснационального наркобизнеса дополнена рассмотрением проблемы трансграничного терроризма. Итоговым комплексным исследованием латиноамериканской ТОП стал коллективный труд ученых Института Латинской Америки РАН, увидевший свет в 2017 г. [Современная организованная преступность..., 2017]. Основные достижения авторов данной работы — более глубокое рассмотрение теоретических аспектов проблематики ТОП, а также освещение на богатом эмпирическом материале страновых особенностей организованной преступности в Латинском регионе. Феномен ТОП был также основательно изучен в контексте глобальной повестки устойчивого развития [Перспектива устойчивого развития..., 2022]. Помимо этого ряд российских политологов исследовали криминогенную ситуацию и методы борьбы с международным криминалитетом в государствах и субрегионах Латинской Америки, где эта проблема стоит особенно остро [Морозов, 2017; Ивановский, 2019; Колесник, 2019; Манухин, 2020; Земцова, 2021].

Не меньше внимание изучению данного феномена уделяется в западной политологии. Такая заинтересованность обусловлена крайней остротой и болезненностью проблемы ТОП как для по-

давящего числа латиноамериканских стран, так и для ведущих государств Запада, прежде всего США. К числу фундаментальных исследований относится монография, изданная под эгидой Центра Вудро Вильсона, в которой представлена широкая панорама национальных ситуаций в регионе (Мексика, Гватемала, Перу, Сальвадор и др.), а также проработаны многие теоретические аспекты, в частности соотношение феномена «марас» и организованной преступности [¿A dónde vamos?...], 2013]. Другие значимые работы — исследования чилийских [Crimen organizado..., 2008], аргентинских [Sain, Games, 2015; Delincuencia económica organizada..., 2016], перуанских [Desafíos y amenazas..., 2022], испанских [Mesa, Moorhouse, 2008; Evaluación de la amenaza..., 2021; García, 2021], колумбийских [Kessler, 2014] политологов. В научной среде ведется активный поиск мер профилактики данной проблемы, а также анализируются действующие и апробированные методы борьбы с организованной преступностью. Особое, если не центральное, место в спектре этих методов занимают силовые подходы с применением вооруженных сил, в связи с чем имеется широкий массив работ, посвященных исследованию данного аспекта [Rodríguez, 2019; La transformación de las fuerzas armadas..., 2019; Diamint, 2020; El papel de las fuerzas armadas..., 2022]. Указанные труды имеют в рамках настоящей статьи первостепенное значение, так как в ее основе лежит гипотеза об усилении роли военных в борьбе с ТОП в Латинской Америке в последние годы.

Методологическую базу настоящего исследования составляет транснациональный подход, согласно которому в процессе глобализации резко возрастают роль и влияние институтов и процессов, оторванных от национальных структур и развивающихся по собственной логике, к числу которых относится ТОП. Такой подход достаточно глубоко проработан и представлен в трудах как западных, так и российских ученых.

ТОП и глобализация: теоретический аспект

В настоящее время проблематика глобализации постепенно выходит из «научной моды», уступая место полномасштабной дискуссии по поводу обратного процесса — деглобализации [Калугина, 2022; Князев, 2022; Низимова, Головина, 2021; Мегатренды мировой политики..., 2019]. Однако, на наш взгляд, еще преждевременно отказываться от категориального аппарата и методологических под-

ходов, разработанных в рамках изучения феномена глобализации в первые два десятилетия XXI в. Данный фундаментальный процесс отнюдь не носит поступательного и детерминированно линейного характера, но, как и всякий общественный процесс, разворачивается с откатами и регрессивными фазами. В некотором роде можно говорить, что деглобализация (или фрагментация) представляет собой отрицательную фазу самой глобализации, но не собственно противоположный ей процесс⁵. Деглобализация не ведет к эрозии и ослаблению доминантных позиций основных субъектов глобализации — транснациональных корпораций (ТНК) и банков (ТНБ), но фиксирует процесс нового блокообразования (фрагментации системы международных отношений) на уровне более «низком», чем транснациональный, — национальных государств или их новых объединений.

С нашей точки зрения, ТНК и другие транснациональные институты приобрели статус органического атрибута современного мира, выкристаллизовавшись в ходе поступательного движения к глобализации важнейших элементов мировой экономики. Причем ТНК обладают колоссальной адаптивностью, реагируя на деглобализацию как на раздражающий фактор, вызывающий мощную «иммунную» реакцию. Эмпирическая и фактологическая конкретизация данных тезисов выходит за рамки задач настоящей статьи и может в будущем составить предмет самостоятельного исследования.

Однако глобализация не ограничивается сугубо финансово-экономической плоскостью. Универсальный и атрибутивный феномен транснациональности находит воплощение не только в ТНК и ТНБ как субъектах легальной экономической деятельности. Уже на протяжении десятилетий существует и активно развивается теневой сектор мировой экономики, описываемый категорией «транснациональная организованная преступность». С этой точки зрения субъекты ТОП (кланы, группировки, мультинациональные банды) выступают как своеобразная разновидность традиционных ТНК, обладающая рядом специфических, уникальных черт. В этом плане

⁵Выходя за рамки тематики статьи, скажем, что, собственно, противоположным процессу глобализации стал бы процесс глобальной универсализации, в котором процессы объединения и интеграции носили бы органический и прогрессивный характер, а не преимущественно механический, как это происходит в рамках глобализации.

представляется целесообразным оперирование понятием «транснациональные криминальные группировки» (ТКГ) как *alter ego* ТНК.

Следует отметить, что устоявшимся и достаточно распространенным мнением является оценка феномена ТОП как девиантного и аномального в рамках поступательного и в конечном счете прогрессивного движения процесса глобализации⁶. Типичным примером может служить высказывание перуанского политолога В.С. Льерена в статье под названием «Организованная преступность как криминальное явление глобализации»: «Глобализация принесла с собой массу возможностей в различных областях (политической, экономической, социальной и культурной), которые позволяют развивать общество и человечество. Она привела к развитию легальных рынков в интересах человечества, но также и к возникновению и расширению незаконных рынков в ущерб человечеству»⁷.

На наш взгляд, те формы, в которых в конце XX — первой четверти XXI в. разворачивался процесс глобализации, обусловили органичный и даже атрибутивный статус ТОП в рамках глобализационных процессов. Неслучайно в научных работах нередко можно встретить такое словосочетание, как «глобализация наркотрафика» [Santana, 1999], активно используемое и в современных исследованиях [Kessler, 2014: 60]. С нашей точки зрения, в той степени, в которой обусловлена и сформирована атрибутивность транснационального масштаба финансово-экономических глобальных взаимосвязей, определяется и атрибутивный характер транснациональности феномена преступности.

Другой весьма важный аспект, связанный с корреляцией между ТОП и глобализацией, лежит в плоскости процессов эрозии государственного суверенитета под влиянием растущего доминирования ТНК и ТНБ. Если исходить из идеи, что ТКГ являются своеобразным аналогом и параллельным феноменом ТНК, то из этого тезиса вытекает следующее обстоятельство. Как ТНК играют роль мощного фактора эрозии контролирующего влияния государств, так и ТКГ выступают субъектами, придающими данному процессу дополни-

⁶ Workshop on transnational organized crime // Inter-American Defence College. Available at: <https://iadc.edu/espanol-taller-sobre-crimen-transnacional-organizado/> (accessed: 30.06.2023).

⁷ Llerena V.R.S. La criminalidad organizada: un fenómeno delictivo de la globalización // *Passión por el Derecho*. 01.06.2022. Available at: <https://lpderecho.pe/criminalidad-organizada-fenomeno-delictivo-de-la-globalizacion/> (accessed: 30.06.2023).

тельную динамику, но уже с другой, нелегальной стороны. Институциональным инструментом обеспечения и одновременно воплощением снижения роли государств относительно экономических субъектов глобализации (ТНК) выступают такие механизмы, как свободные экономические зоны, зоны свободной торговли и офшоры. Данные международные инструменты являются одновременно и средством, и результатом эрозии суверенитета национальных государств. Схожий эффект оказывает и деятельность ТКГ, однако в их случае имеет место не столько осознанное инструментальное использование специальных механизмов, сколько стихийное следствие их активности. Специфическим и условным аналогом «зон свободы» транснациональных экономических институтов для ТКГ выступают так называемые серые зоны — понятие, широко используемое в политологии для обозначения территорий с повышенной конфликтностью, не контролируемых государством [Buelvas, 2019]. Очевидно, что «свободные экономические зоны» ТНК и «серые зоны», сформированные ТКГ, различны по социальной природе и внешнему геополитическому «антуражу», однако, на наш взгляд, их конечная функциональность идентична и состоит в максимальной исключенности государственной регуляции в этих зонах. Безусловно, ТКГ не являются единственным фактором формирования подобных образований, однако входят в число наиболее значимых.

Латинская Америка и транснациональная преступность

В Латиноамериканском регионе наблюдается ситуация, которую можно охарактеризовать как «парадокс безопасности». Он состоит в том, что на внешнем профиле Латинская Америка позиционируется как самый мирный регион с минимальным количеством вооруженных конфликтов (колумбийская герилья является исключением, и в последние годы мирные переговоры заметно снизили ее интенсивность). При этом внутренняя ситуация в этой части света с точки зрения безопасности характеризуется крайней остротой и выражается в высоких показателях уровня насилия. На данное противоречие указывается во многих исследованиях [América Latina..., 2022: 123], но, на наш взгляд, его можно концептуализировать в форме обозначенного парадокса.

Для иллюстрации регионального уровня насилия можно привести следующие факты. В 2020 г. из 436,9 тыс. насильственных смертей в мире более трети — 160,8 тыс. — пришлось на Латинскую

Америку. В десятку мировых «лидеров» по показателю смертей по причине насилия на 100 тыс. человек входят девять латиноамериканских государств, в частности Ямайка (44,68), Тринидад и Тобаго (38,57), Сальвадор (37,16), Гондурас (36,33), Мексика (28,73), Белиз (25,65), Гватемала (26,04), Колумбия (26,64) и Бразилия (20,86)⁸. Данный список не является константой и подвержен флуктуациям. Так, по данным InSight Crime, в 2022 г. в десятку вошел Эквадор с показателем 25,9 смертей по причине насилия на 100 тыс. человек, а возглавила список Венесуэла с уровнем 40,4⁹. Однако по-прежнему Латинская Америка остается регионом мира, где проблема насилия стоит наиболее остро.

Определяющий вклад в обострение латиноамериканского «парадокса безопасности» вносит фактор транснациональной преступности. Будучи негативным фактором общественной безопасности, ТОП имеет в региональной экономике огромный вес, представляя собой влиятельный деструктивный сектор. Так, по последним оценкам, общий оборот финансовых средств в этом сегменте колеблется в диапазоне от 114,5 до 170,4 млрд долл. [Democracy and security in Latin America..., 2023: 75] и в целом сопоставим с товарооборотом между южноамериканским гигантом — Бразилией — и Китаем, составившим в 2022 г. 150 млрд долл.¹⁰

Далее будет проведен обзор ТКГ в Латинской Америке в целях иллюстрации и доказательства их транснациональности. Следует подчеркнуть, что в современной западной политологии (и в латиноамериканской в частности) данный подход, согласно которому ТКГ являются криминально-теневой разновидностью ТНК, уже активно развивается, что, например, выражается в широком использовании термина «транснациональные банды». Так, мексиканский политолог

⁸ ¿Qué países tienen las tasas de homicidios más altas del mundo? El Salvador, entre los que encabezan la lista // CNN. 18.05.2022. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/05/18/paises-tasas-homicidios-altas-mundo-salvador-encabezan-la-lista-orix/> (accessed: 30.06.2023).

⁹ Colchen G. InSight Crime: América Latina y el Caribe vivieron un récord de homicidios en 2022 // France 24. 09.02.2023. Available at: <https://www.france24.com/es/america-latina/20230209-america-latina-y-el-caribe-vivieron-un-record-de-homicidios-en-2022> (accessed: 30.06.2023).

¹⁰ Brasil assina mais de 20 acordos de cooperação em missão empresarial em Pequim // ApexBrasil. 29.03.2023. Available at: <https://apexbrasil.com.br/br/pt/conteudo/noticias/brasil-assina-20-acordos-de-cooperacao-em-missao-empresarial-em-.html> (accessed: 30.06.2023).

Э.А. Гонсалес отмечает: «Транснациональные банды стали предметом общей озабоченности в Центральной Америке, Мексике и даже в США в связи с серьезными социальными последствиями с точки зрения насилия и преступности, вызванными их развитием, а также в связи с жесткими репрессивными мерами, которые правительства стран региона принимают, чтобы минимизировать эти последствия» [González, 2015: 150]. Достаточно укоренился и подход, состоящий в сравнительном анализе транснациональных легальных и криминальных организаций: «...криминальные организации действуют в международном масштабе в той же степени, как и транснациональные корпорации, могут быть связаны с ними и даже составлять им конкуренцию в специфических нишах глобального рынка» [Mesa, Moorhouse, 2008: 11].

В центральноамериканской политологии уже давно и широко применяется термин «марас» (активно используемый также в обиходе, журналистике и публицистике). Происхождение данного слова сугубо региональное: его этимология восходит к названию специфической для Центральной Америки разновидности крайне агрессивных красных муравьев. Под «марас» понимаются именно криминальные группировки, обладающие международным ареалом деятельности. Характерно описание эволюции данного явления, предложенное И. Ортисом, который рассматривает «марас» как полноценного субъекта международных отношений в регионе: «Транснационализация этого нового международного субъекта, возможно, самого известного типа центральноамериканских криминальных групп, происходила в контексте функционирования хрупких демократий со слабыми государственными институтами, которые способствовали быстрому росту таких групп в 1990-е годы. Существует множество факторов, характеризующих это явление, в том числе: постепенное усложнение его структуры, распространение на все государства Центральной Америки, Мексику и США, где проживает большая часть членов банд, особенно лидеров» [Vila, 2012: 2]. Таким образом, атрибут транснациональности уже стал устоявшимся и общим местом в научно-теоретическом осмыслении современных криминальных группировок в Латинской Америке.

По оценкам организации «Программа содействия борьбе с организованной транснациональной преступностью» (Programa de Asistencia Contra el Crimen Transnacional Organizado, PACCTO), феномен ТОП наиболее выраженно представлен в восьми латино-

американских государствах: Мексике, Колумбии, Боливии, Чили, Коста-Рике, Сальвадоре, Эквадоре и Панаме. В этих странах сконцентрированы 436 наиболее влиятельных криминальных группировок¹¹. Они имеют различные статусы: картели, банды, семейные кланы, преступные группировки и пр. Их специализация носит разновекторный характер: 147 субъектов связаны с наркотрафиком, 102 — с экономическими преступлениями против собственности (например, кража и легализация похищенного автотранспорта), 108 — с кражами со взломом и организованными кражами; 98 — с убийствами, вымогательством и торговлей людьми; 5 — с киберпреступностью и 3 — с экологическими преступлениями. Кроме того, их деятельность транснациональна по масштабу. Так, 212 организаций функционируют в пределах Южной Америки, 104 — в Североамериканском регионе, 32 — в Центральной Америке, 60 ассоциированы с европейским криминалитетом, 50 — с азиатским и 4 — с группировками из Океании. Совокупный численный состав латиноамериканских ТКГ представляет собой дискуссионный вопрос. Однако известно, что только в так называемом Северном треугольнике (Сальвадор, Гондурас, Гватемала), где наблюдается наибольшая концентрация криминальных групп, численность банд доходит до 100 тыс. человек [Carbonell, 2021: 47]. В целом в Латинской Америке данный количественный показатель может колебаться как минимум в диапазоне 150–200 тыс. человек.

В настоящее время наиболее известными и влиятельными транснациональными структурами в регионе являются следующие картели: в Мексике — «Синалоа» (Cartel de Sinaloa), «Гольфо» (Cartel de Golfo), «Ло-Чолос» (Lo Cholos), «Новое поколение Халиско» (Cartel de Jalisco Nueva Generación), «Лос-Зетас» (Los Zetas); в Бразилии — «Первая столичная команда» (Primeiro Comando da Capital, PCC), «Красная команда» (Comando Rojo); в Гватемале — «Сумасшедшие парни» (Los Batos Locos); в Гондурасе — «Мау-Мау» (La Mau Mau), «Рокеры» (Los Rockeros); в Никарагуа — «Никас» (Nicás), «Чарли» (Los Charly); в Сальвадоре — «Мара Сальватруча» (Mara Salvatrucha, MS-13), «Квартал-18» (Barrio-18), «Машина» (La Máquina), «Тексис» (Cartel de Taxis). Данные ТКГ с каждым годом приобретают всё

¹¹ Réyez J. Siete países de América Latina concentran 436 grupos criminales // Contralínea. 12.03.2022. Available at: <https://contralinea.com.mx/interno/semana/siete-paises-de-america-latina-concentran-436-grupos-criminales/> (accessed: 30.06.2023).

большее экономическое и даже политическое влияние. Если в XX в. бандформирования преимущественно представляли собой разрозненные группировки контрабандистов, перевозивших наркотики, или криминальных элементов, занимавшихся иной преступной деятельностью, то к настоящему моменту они фактически функционируют в формате «государства в государстве». Они располагают собственными армиями, подконтрольными территориями, аналогами внутреннего законодательства, имеют четкую организационную структуру и т.д.

У данного типа транснациональных банд можно зафиксировать целый ряд черт, который соотносит их с ТНК и придает им сходство с последними.

Во-первых, у каждой криминальной группировки есть четко продуманная «корпоративная культура», отличающая одну ТКГ от другой. Помимо фиксированной внешней атрибутики (татуировки, символы, уникальная униформа, особые приветственные жесты и даже невербальный язык — граффити), призванной обеспечить лояльность и подчеркнуть идентичность, ТКГ имеют свой, иногда даже писанный кодекс поведения. Речь идет о зачатках определенной идеологии, призванной пропагандировать идеи того или иного картеля в целях рекрутировать в его ряды наибольшее количество сторонников. При этом нередко для популяризации и расширения доступности своего «мировидения» ТКГ инкорпорируют в свою субкультуру элементы традиционной национальной культуры. Так, быстрый рост численности сальвадорских банд «Мара Сальватруча» и «Квартал-18» во многом обусловлен тем, что они включили в свою практику традиционные обряды инициации, широко используемые в стране в повседневной жизни¹².

Во-вторых, нарастает интенция к максимальной диверсификации своей деятельности. Ни одна ТКГ не специализируется исключительно на одной сфере нелегальной деятельности, но стремится максимально разнообразить свою активность. Например, мексиканский картель «Лос-Зетас», обычно ассоциируемый с наркоторговлей, практикует также похищение нефти, вымогательства, работорговлю, киднеппинг, нелегальную разработку полезных ископаемых [García,

¹² McDermott J. GameChangers 2019: Los 10 principales grupos criminales de Latinoamérica // InSight Crime. 22.01.2020. Available at: <https://es.insightcrime.org/noticias/analisis/gamechangers-2019-los-10-principales-grupos-criminales-de-latinoamerica/> (accessed: 30.06.2023).

2021]. Чилийские политологи С. Каньяс и Ж. Ривера отмечают по этому поводу: «Транснациональные преступные организации, действующие в рамках международных преступных сетей, охватывают широкий круг видов деятельности, включая обширный перечень преступлений, экономических по своему характеру. Тенденция к диверсификации и взаимосвязи между криминальными рынками проистекает из стремления максимизировать получаемую прибыль» [Cañas, Rivera, 2017: 156].

В-третьих, между ТКГ, как и между ТНК, регулярно происходят процессы, которые в традиционной экономике принято называть «слияния и поглощения». Практика создания временных тактических или долгосрочных стратегических альянсов — обычное дело для крупных транснациональных банд. В наибольшей степени распространена вертикальная, а не горизонтальная интеграция: наиболее крупные ТКГ поглощают и включают в свой состав мелкие и средние банды. По такому принципу сформировались большинство ныне действующих в регионе транснациональных группировок. Одновременно в деятельности ТКГ, как и ТНК, ярко выражена тенденция к монополизации. Так, картели «Синалоа» и «Лос-Зетас» выступают в роли ключевого тандема на мексиканском преступном «рынке» и своего рода «полюса силы», с которым соотносят себя остальные локальные группировки.

В-четвертых, наблюдается схожесть в логике построения организационной структуры как ТКГ, так и ТНК. Оба типа организаций выстраиваются по «материнско-дочернему» принципу: головные офисы (или в случае ТКГ — клановое ядро) базируются в стране происхождения, а на зарубежной периферии функционируют дочерние филиалы. Наиболее ярким примером служит мексиканский картель «Синалоа» — пожалуй, один из самых транснационализованных в Латинской Америке. Его клановое ядро располагается в приграничных с США мексиканских штатах, а зарубежные подразделения функционируют в 54 странах мира¹³.

В-пятых, оба типа транснациональных структур обладают большим потенциалом продвижения своих интересов на легальном государственном уровне. Как ТНК располагают значительным

¹³ Gómora D. The Sinaloa Cartel has a global empire // El Universal. 20.01.2016. Available at: <https://www.eluniversal.com.mx/articulo/english/2016/01/20/sinaloa-cartel-has-global-empire/> (accessed: 30.06.2023).

лоббистским аппаратом в государственных аппаратах стран своего местоположения и влияния (где находятся дочерние филиалы), так и ТКГ обладают разветвленным инструментарием для обеспечения «легального прикрытия» своей деятельности. Помимо вовлечения в орбиту своих интересов путем коррупционных схем и ТНК, и ТКГ имеют каналы влияния на общественное сознание посредством сотрудничества со СМИ. Показательным примером является деятельность сальвадорской ТКГ «Тексис». В 2011 г. было проведено специальное журналистское расследование, которое выявило большой реализованный потенциал внедрения картеля в государственные структуры (от начальников местных отделений полиции до сотрудников спецслужб), а также систематическое проведение информационных кампаний по популяризации самого картеля с участием сети журналистов и лидеров общественного мнения [¿A dónde vamos?... 2013: 245]. Представляется, что данный прецедент — не исключение, но скорее иллюстрация общей практики аффилиации криминальных и государственных структур в Латинской Америке.

Таким образом, можно констатировать, что сеть транснациональных криминальных организаций имеет достаточно разветвленную структуру и обладает большим потенциалом для распространения своего влияния, что наносит серьезный ущерб общественной и национальной безопасности стран региона. Негативные эффекты деятельности латиноамериканских ТКГ не сводятся только к общественным травмам в виде уличного насилия и жертв со стороны гражданского населения, но также включают эрозию государственных структур. Данные последствия находятся в фокусе пристального внимания правительств, которые в большинстве случаев отдают предпочтение силовым ответам на вызовы ТОП.

Вооруженные силы как инструмент противодействия ТОП

Деструктивная деятельность ТКГ в Латинской Америке входит в число «новых угроз» в рамках концепций внутренней безопасности во многих странах региона. Нередко внутренняя ситуация и общественная атмосфера, создаваемая транснациональными бандами, описываются в таких терминах, как «внутренняя война» или «война с наркотрафиком» [La guerra interna..., 2018]. Деятельность ТКГ органично и вполне предсказуемо сопряжена с распространением, циркуляцией и использованием нелегального оружия. Так, в Центральной Америке насчитывается 1,5 млн огнестрельных

единиц, из которых официально зарегистрирована только треть [América Latina..., 2016: 100]. Наиболее высокие показатели владения нелегальным оружием демонстрирует Бразилия (17,5 млн ед.), далее следуют Мексика (16,8), Венесуэла (5,8) и Колумбия (4,9 млн ед.)¹⁴. В связи с этим нередко борьба с наркотрафиком приобретает целевой характер противодействия незаконному обороту оружия.

Такая постановка вопроса диктует в латиноамериканских государствах императив выработки жестких силовых методов борьбы с оргпреступностью, зачастую с использованием военного потенциала национальных вооруженных сил. Поскольку проблема транснациональной преступности в регионе системная и комплексная, ответы на эти вызовы носят симметричный характер. В настоящее время разворачивается мощная исследовательская активность вокруг изучения ремилитаризации латиноамериканских обществ в целом и последовательной милитаризации общественной безопасности, происходящих в контексте борьбы с криминалитетом¹⁵.

В Латинской Америке как одном из самых мирных регионов на планете складывается ситуация, при которой диапазон внешнего использования вооруженных сил крайне ограничен и минимален (в основном это миротворческие миссии ООН), а основной сферой приложения усилий является стабилизация внутренней ситуации. Так, по оценкам Сети по изучению проблем безопасности в Латинской Америке (Red de Seguridad y Defensa de América Latina, RESDAL), по состоянию на 2014 г. до 94%¹⁶ регулярной активности латиноамериканских военных было связано с обеспечением функций безопасности. В период 2014–2023 гг. аналогичных исследований не проводилось, но на волне значительного повышения общественно-политической роли военных в последнее время (особенно в свете пандемии COVID-19) представляется, что данный показатель су-

¹⁴ Garcia Reyes K.G. América Latina: De la guerra contra las drogas a la guerra contra las armas // The Conversation. 01.06.2021. Available at: <https://theconversation.com/america-latina-de-la-guerra-contra-las-drogas-a-la-guerra-contra-las-armas-161908> (accessed: 30.06.2023).

¹⁵ Ramalho A.J., Diamint R., Sánchez L. La militarización de la seguridad y el regreso de los militares a la política en América Latina // Friedrich Ebert Stiftung. Marzo 2020. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/la-seguridad/16106.pdf> (accessed: 30.06.2023).

¹⁶ Marcela D. Atlas comparativo de la defensa en América Latina y Caribe. Buenos Aires: RESDAL, 2014. Available at: <https://www.resdal.org/assets/atlas-2014-completo.pdf> (accessed: 30.06.2023).

щественно не изменился на общерегиональном уровне. В число сфер активности вооруженных сил, связанных с профилактикой криминалитета и противодействием оргпреступности, входит выполнение следующих задач: борьба с наркотрафиком, патрулирование городских улиц, проведение силовых операций по умиротворению в зонах, где насильственные действия картелей достигают максимума, обеспечение безопасности крупных массовых мероприятий (например, Олимпиады в Бразилии в 2016 г.), выполнение охранных функций в учреждениях национальных пенитенциарных систем, пограничный контроль в целях профилактики трансграничной преступности и курсирования преступных групп. Если рассматривать общерегиональную тенденцию, то налицо следующая закономерность: по мере продвижения с Юга на Север Латинской Америки от страны к стране происходит своеобразное усиление силового и репрессивного компонентов профилактики и борьбы с преступностью. Можно выделить два географических «полюса»: более мягкие и институционально обоснованные методы применяются в странах Южного конуса (Бразилия, Чили, Аргентина, Уругвай), а явное доминирование жестких силовых мер имеет место в странах Северного треугольника (Гондурас, Сальвадор, Гватемала).

Актуальным примером институционального подхода выступает Чили. В июне 2023 г. Сенат одобрил проект создания Министерства государственной безопасности путем передачи ему части функций и ресурсов Министерства внутренних дел. Данное решение оправдано усугубляющейся с каждым годом криминогенной ситуацией в стране. В компетенцию нового государственного органа будут входить исключительно вопросы борьбы с организованной преступностью, включая транснациональный компонент. Проект также предполагает активное участие в деятельности нового силового министерства представителей вооруженных сил и полиции¹⁷.

Примером противоположного и набирающего популярность в Центральной Америке радикально-силового подхода является практика борьбы с оргпреступностью в Сальвадоре. С 2021 г. там нынешним президентом Н. Букеле объявлена и ведется настоящая

¹⁷ Avanza proyecto que crea nuevo Ministerio de Seguridad Pública en Chile para combatir el crimen organizado y delincuencia // Iberoamérica Central de Noticias. 20.06.2023. Available at: <https://www.icndiario.com/2023/06/avanza-proyecto-que-crea-nuevo-ministerio-de-seguridad-publica-en-chile-para-combatir-el-crimen-organizado-y-delincuencia/> (accessed: 30.06.2023).

война с криминалитетом. В том же году парламент принял поправки к уголовному кодексу, которые позволили наказывать СМИ за распространение информации, связанной с бандами. Стали нормой и аресты за нанесение граффити с логотипами криминальных групп и их символикой. Больше года в стране действовал режим чрезвычайного положения (с марта 2022 г. до середины 2023 г.), в обеспечении которого принимали участие все силовые структуры, включая вооруженные силы. Лояльный Н. Букеле Конгресс неоднократно его продлевал под давлением президента. По оценкам за 2022–2023 гг., число арестованных составило 69 тыс. человек (1% населения Сальвадора)¹⁸. При этом более половины арестов международные правозащитные организации считают неправомерными. Режим содержания арестованных до суда крайне жесткий: под стражей они могут провести от 1 до 2 лет, если же есть отягчающие обстоятельства — до 4 лет. Для решения этих задач в стране ведется полномасштабное строительство мегатюрем, в которых можно содержать более 10 тыс. заключенных одновременно. Данный опыт развития пенитенциарной системы пытаются перенять в соседнем Гондурасе.

Заметной тенденцией в странах Латинской Америки в последние годы стало расширение функций вооруженных сил по обеспечению общественного порядка, хотя в той или иной степени эта особенность проявлялась и раньше. В современной латиноамериканской политологии широко используется термин «полициализация вооруженных сил», под которым имеется в виду передача военным ряда традиционных функций полиции по охране внутреннего порядка. Такое положение вещей обусловлено как самой природой латиноамериканских военных институтов, исторически в большей степени ориентированных на решение внутриполитических задач, так и тем, что этот процесс активно стимулируется извне, в частности Соединенными Штатами, которые обладают немалым влиянием на военный сектор в этом регионе. По этому поводу аргентинский политолог Д. Родригес отметил: «Милитаризация общественной безопасности и борьба с организованной преступностью в Латинской Америке, или, другими словами, возложение полицейских функций на вооруженные силы должны рассматриваться с учетом как собственного

¹⁸ Beatón L. El Salvador y sus cuatro años con Bukele // Prensa Latina. 31.05.2023. Available at: <https://www.elpais.cr/2023/05/31/el-salvador-y-sus-cuatro-anos-con-bukele/> (accessed: 30.06.2023).

опыта и политики, которую в этой области продвигают государства региона, так и фактора Соединенных Штатов, систематично стимулирующих вооруженные силы Латинской Америки к выполнению полицейских функций» [Rodríguez, 2019: 150].

Наиболее типичная для региона практика применения вооруженных сил в борьбе с ТОП наблюдается в Мексике и Гондурасе, где данная проблема стоит наиболее остро. В связи с этим целесообразно сравнить их опыт. Обе страны идут по пути создания подчиненных Министерством обороны специальных милитаризованных структур, предназначенных для борьбы с оргпреступностью. Данные структуры находятся в «промежуточной зоне» между традиционной полицией и вооруженными силами, но по своей природе всё-таки в большей степени коррелируют со вторым институтом. Так, в Мексике в 2015 г. путем существенного сокращения федеральной полиции была создана военизированная полиция, которая с каждым годом приобретает всё большее влияние в решении вопросов, связанных с общественной безопасностью [El papel de las fuerzas armadas..., 2022: 149]. Спустя 4 года эта тенденция была только усилена путем создания нового мощного военизированного «плеча» Министерства обороны, которое в Мексике называется Секретариат национальной обороны (Secretaría de la Defensa Nacional, SEDENA). В 2019 г. была создана Национальная гвардия, в функции которой входили профилактика насилия и борьба с криминалитетом. Процесс ее формирования сопровождался конституционной реформой, закрепившей новый институт в Основном законе. Нацгвардия уже не дополнила сокращаемую федеральную полицию (как военизированная полиция), но полностью заменила ее. В 2022 г. Конгресс одобрил предложение президента об изменении статуса Национальной гвардии, в результате чего она стала структурным элементом армии¹⁹. К середине 2022 г. ее численность составляла 118 тыс. человек, однако к концу 2023 г. правительство намеревается увеличить этот показатель до 128 тыс.²⁰ Результаты деятельности данного

¹⁹ Pérez D.M. Morena consume la entrega de la Guardia Nacional al Ejército // El País. 09.09.2022. Available at: <https://elpais.com/mexico/2022-09-09/morena-consuma-la-entrega-de-la-guardia-nacional-al-ejercito.html#?rel=mas> (accessed: 30.06.2023).

²⁰ Guardia Nacional alcanza un estado de fuerza de más de 118 mil elementos // Gobierno de México. 23.05.2022. Available at: <https://www.gob.mx/guardianacional/prensa/guardia-nacional-alcanza-un-estado-de-fuerza-de-mas-de-118-mil-elementos?idiom=es> (accessed: 30.06.2023).

силового института пока далеки от изначально намеченных планов по превращению его в эффективный инструмент в борьбе с оргпреступностью. Так, несмотря на то обстоятельство, что ее численность втрое превосходит ее предшественника — федеральную полицию, Национальная гвардия демонстрирует весьма скромные показатели своей деятельности. Так, если к середине 2022 г. ее силами было осуществлено 8 тыс. арестов преступников и членов бандформирований, включая транснациональные, то полицейская структура в последний год своего функционирования произвела 21,7 тыс. арестов²¹. Основная причина столь большого разрыва состоит в слабости разведывательных подразделений Национальной гвардии (только 14 арестов осуществлено при помощи разведки). Главный же упор сделан не на профилактику насилия, а на проведение силовых спецопераций, направленных против криминалитета. Для этого в рамках Нацгвардии создан боевой отряд — Силы специального реагирования и вмешательства (Fuerza Especial de Reacción e Intervención), представляющий собой элиту этого института²².

Гондурас во многом стал предшественником мексиканской стратегии борьбы с оргпреступностью. Еще в 2013 г. указом президента была образована Военизированная полиция по обеспечению правопорядка (Policía Militar del Orden Público, PMOP). В 2018 г. параллельно с ней власти создали военизированное Подразделение по противодействию марас и бандам (Fuerza Nacional Anti Maras y Pandillas, FNAMP). Получив специальные полномочия, новая силовая структура стала систематически жестко расправляться с криминальными элементами, вследствие чего их активность была существенно снижена. Как и в Мексике, данные структуры представляют собой подразделения вооруженных сил и находятся в подчинении у Главного штаба командования ВС.

Безопасность на улицах городов в современном Гондурасе обеспечивается подразделениями PMOP, а силовые операции против криминалитета находятся в компетенции FNAMP. Более того, указанная тенденция по усилению силовых структур может получить

²¹ Abi-Habib M., Lopez O. AMLO prometió ‘abrazos no balazos’, pero la violencia continúa // The New York Times. 21.09.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2022/08/31/espanol/mexico-violencia-amlo.html> (accessed: 30.06.2023).

²² Medellín J.A. La Guardia Nacional de México crea su primera unidad de élite para operaciones especiales // Defensa.com. 18.08.2022. Available at: <https://www.defensa.com/mexico/guardia-nacional-mexico-crea-primera-unidad-elite-para> (accessed: 30.06.2023).

дальнейшее развитие. Так, пришедшая к власти в 2021 г. партия LIBRE во главе с С. Кастро еще до выборов обещала создать новое силовое подразделение, акцентируя внимание на его сугубо общественной природе. Речь идет о так называемой общинной полиции, призванной стать, по замыслу президента, общественным дополнением указанных выше структур. Создание данного силового инструмента значилось 29-м пунктом в списке предвыборных обещаний. Пока неясны полномочия и правовая функциональность нового элемента, создаваемого для осуществления превентивных, а не карательных функций, на что делался акцент при предыдущей администрации.

Обычной практикой в Гондурасе, как и в соседнем Сальвадоре, становится введение чрезвычайного положения в целях борьбы с преступностью. В апреле 2022 г. новая власть была вынуждена ввести этот режим в департаменте Колон в связи с убийством бандами трех полицейских. В полный рост с проблемой преступности правительство столкнулось в конце 2022 г. 24 ноября С. Кастро публично объявила о введении чрезвычайного положения для борьбы с криминалитетом в связи с массовым обращением граждан с жалобами на систематическое похищение людей в целях вымогательства. Эта криминальная практика превратилась в стране в целую «индустрию» с годовым оборотом в 737 млн долл. (3% ВВП, или 14,7% общей суммы налогового сбора)²³. Жертвами банд стали 206 тыс. семей (9% общего числа). Полиция разработала «Комплексный план по борьбе с вымогательством и связанными с ним преступлениями», который среди прочего включал создание шести региональных штабов с предоставлением им усиленного полицейского контингента и дополнительных бюджетов.

В рамках режима чрезвычайного положения был усилен контроль на границах, который обеспечивается РМОР и другими силовыми структурами. В наиболее криминализованных районах было введено ограничение ряда конституционных свобод (передвижения, собрания). Всего в обеспечении данных мер участвовали 19,5 тыс.

²³ Estado de excepción en Honduras: ¿qué se permite y qué no? // La Prensa. 24.11.2022. Available at: <https://www.laprensa.hn/honduras/hondurase-estado-excepcion-xiomara-castro-que-se-permite-que-no-garantias-constitucionales-MI11087193> (accessed: 30.06.2023).

силовиков. В планы властей входит дополнительно увеличить ряды военизированной полиции на 20 тыс. человек²⁴.

Первоначально чрезвычайное положение вводилось на неопределенный срок, но 6 января 2023 г. было объявлено о его сохранении до 20 февраля 2023 г. Чрезвычайный режим охватил 16 департаментов и 74 муниципалитета, включая федеральный округ и столицу. В течение месяца было арестовано около 1000 человек, включая представителей руководящего состава таких известных банд, как «Иллюминати», «Лос-Пуэблос», «Мара Сальватруча» и «Банда 18». Силловые структуры отметили резкое сокращение жалоб от населения на вымогательство, но это может быть и результатом опасения мести со стороны банд.

Описанные две стратегии борьбы с оргпреступностью типичны для Центральной Америки, где проблема криминалитета носит наиболее острый характер. Следуя общей тенденции, на создание спецподразделений среди южноамериканских стран пошла также Венесуэла. Элементы данной тактики присутствуют и в Бразилии, где для проведения силовых операций в фавелах власти прибегают к помощи военизированной полиции и вооруженных сил. Данная тактика в основном направлена на деморализацию криминальных элементов, арест или ликвидацию наиболее опасных их представителей и т.д., но внести решающий вклад в искоренение ТОП она не может, поскольку комплексная проблема требует системных, а не только силовых ответов.

* * *

Проведенный анализ показал, что Латинская Америка — тот регион мира, где негативные последствия транснациональной преступности проявляются с наибольшей силой. Там функционирует целая сеть разветвленных ТКГ, которые действуют фактически в формате транснациональных корпораций. Их деятельность, а также активность аффилированных с ними мелких и средних группировок выступают одним из главных вызовов общественной безопасности стран региона. Под их влиянием на общество, а также на государственный аппарат происходит эрозия суверенитета ряда

²⁴Quezada J. Amplían el estado de excepción en Honduras hasta el 20 de febrero // El Herald. 06.01.2023. Available at: <https://www.elheraldo.hn/honduras/extienden-estado-excepcion-hasta-el-20-de-febrero-secretaria-seguridad-honduras-BD11650890> (accessed: 30.06.2023).

стран, что выражается в наличии «серых зон», неподконтрольных правительствам. Эти факторы обуславливают почти безальтернативный выбор со стороны властей в пользу силовых методов борьбы с организованной преступностью. Однако практика показывает, что силовые сценарии помогают лишь отчасти решить эту системную проблему и приносят паллиативный, но не долгосрочный эффект. Представляется, что проблема ТОП является нерешаемой в рамках существующей системы общественных отношений в странах Латинской Америки, поскольку носит не девиантный, а атрибутивный характер в рамках современной модели глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцова С.И. Транснациональная наркопреступность в Центральной Америке: теоретические аспекты // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 3 (59). С. 28–34.

2. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3.

3. Калугина Т.Н. Внешняя политика и деглобализация // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 218–225. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225.

4. Князев Ю.К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. № 1 (1691). С. 35–42.

5. Колесник А.С. Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств Латинской Америки // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 210–216.

6. Манухин А.А. Подход США к сотрудничеству с Колумбией и Мексикой в деле противодействия наркотрафику // Латинская Америка. 2020. № 12. С. 6–25. DOI: 10.31857/S0044748X0012274-0.

7. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.

8. Морозов Д.В. Центральная Америка в региональной системе незаконного оборота наркотиков // Латинская Америка. 2017. № 10. С. 35–47.

9. Низамова С.Т., Головина О.Д. Деглобализация: новая волна глобальной экономики // Менеджмент: теория и практика. 2021. № 1–2. С. 85–91.

10. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М: ИЛА РАН, 2014.

11. Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям / Под ред. В.М. Давыдова. М.: Весь мир, 2022.

12. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под. ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь мир, 2017.

13. Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества: латиноамериканский вектор / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: Наука, 2006.

14. Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза / Отв. редактор А.Н. Глинкин. М.: РОССПЭН, 2002.

15. ¿A dónde vamos? Analisis de políticas públicas de seguridad ciudadana en América Latina / Ed. by C. Basombria. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

16. América Latina: Nuevos retos en seguridad y defensa. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos, 2016.

17. América Latina: Transiciones ¿hacia donde? Informe anual 2022–2023 / Ed. by J.A. Sanahuja, P. Stefanoni. Madrid: Fundación Carolina, 2022.

18. Buelvas J.E.T. Zonas grises y delincuencia organizada transnacional: Desafíos para la soberanía del estado en América Latina // Revista Via Iuris. 2019. No. 27. P. 181–196. DOI: 10.37511/viaiuris.n27a9.

19. Cañas S.S., Rivera J.R. Democracia, integración y seguridad en América Latina: El crimen organizado transnacional (COT) como desafío // Revista Enfoques. 2017. Vol. 15. No. 27. P. 149–172.

20. Carbonell J.L. Una estrategia para derrotar a la insurgencia criminal en el Triángulo Norte de Centroamérica // Revista Fuerza Aérea-EUA. 2021. No. 2. P. 46–61.

21. Crimen organizado en América Latina y el Caribe / Ed. by L.G. Solis, F.R. Aravena. Santiago: Catalonia, 2008.

22. Delincuencia económica organizada. Tres aproximaciones desde la criminología / Ed. by H. Olaeta. Bernal: Universidad Nacional de Quilmes, 2016.

23. Democracy and security in Latin America. State capacity and governance under stress / Ed. by G. Marcella, O.J. Pérez, B. Fonseca. New York: Routledge, 2023.

24. Desafíos y amenazas a la seguridad en América Latina / Ed. by P.E.V. Delzo. Lima: Centro de Estudios Estratégicos del Ejército del Perú, 2022.

25. Diamint R. Sin rumbo. Estrategias de defensa en América Latina. Bogotá: Universidad Sergio Arboleda, 2020.

26. El papel de las fuerzas armadas en la América Latina del siglo XXI / Ed. by R. Martínez. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2022.

27. Evaluación de la amenaza del crimen transnacional organizado en Latinoamérica. Instrumento de Documentación y Evaluación de la Amenaza en Latinoamérica (IDEAL). Madrid: Programa El PACCTO, 2021.

28. García G.B. Crimen organizado transnacional y maras en el Triángulo Norte de Centroamérica // Boletín IIEE. 2021. No. 22. P. 639–659.

29. González H.A. Pandillas transnacionales: Un enfoque de seguridad nacional en México // Revista TeRCi. 2015. Vol. 5. No. 1. P. 139–153.

30. Kessler G. El crimen organizado en América Latina y el Caribe: Ejes de debate en narcotráfico, el tráfico de armas y de personas // El laberinto de la inseguridad ciudadana: Bandas criminales, seguridad de fronteras y regímenes penitenciarios en América Latina / Ed. by J.A.Z. Betancourt. Buenos Aires: CLACSO, 2014. P. 43–61.

31. La guerra interna: Como la lucha contra las drogas está militarizando América Latina / Ed. by X. Tordini. Buenos Aires: Centro de Estudios Legales y Sociales, 2018.

32. La transformación de las fuerzas armadas en América Latina ante el crimen organizado / Ed. by C. Sampo, S. Alda. Madrid: Real Instituto Elcano, 2019.

33. Mesa M., Moorhouse E. Documento de trabajo: Claves para entender la violencia de carácter transnacional en Centroamérica. Madrid: CEIPAZ, 2008.

34. Rodríguez D.D. El involucramiento militar en materia de seguridad pública: Una cuestión inconclusa que se reinstala en Latinoamérica ante el desafío del crimen organizado transnacional // Estado & Comunes. 2019. Vol. 2. No. 9. P. 133–153. DOI: 10.37228/estado_comunes.v2.n9.2019.121.

35. Sain M.F., Games N.R. Tendencias y desafíos del crimen organizado en Latinoamérica. Buenos Aires: Universidad Metropolitana para la Educación y el Trabajo, 2015.

36. Santana A. A globalização do narcotráfico // Revista Brasileira de Política Internacional. 1999. Vol. 42. No. 2. P. 99–116. DOI: 10.1590/S0034-73291999000200006.

37. Vila I.O. Las pandillas transnacionales centroamericanas // VI Congreso de Relaciones Internacionales. Noviembre 2012. P. 1–19.

REFERENCES

1. Zemtsova S.I. 2021. Transnatsional'naya narkoprestupnost' v Tsentral'noi Amerike: teoreticheskie aspekty [Transnational drug crime in Central America: Theoretical aspects]. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, no. 3 (59), pp. 28–34. (In Russ.)

2. Ivanovskii Z.V. 2019. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: sotsial'naya panorama i dinamika politicheskikh protsessov (chast' 1) [Latin America in the new millennium. Social panorama and dynamics of political processes (1)].

Latinskaya Amerika, no. 7, pp. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3. (In Russ.)

3. Kalugina T.N. 2022. Vneshnyaya politika i deglobalizatsiya [Foreign policy and the deglobalization]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 218–225. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225. (In Russ.)

4. Knyazev Yu.K. 2022. Deglobalizatsiya: vremenno ili navsegda? [Deglobalization: Temporarily or forever?]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1 (1691), pp. 35–42. (In Russ.)

5. Kolesnik A.S. 2019. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' kak ugroza bezopasnosti gosudarstv Latinskoj Ameriki [Transnational organized crime as a threat to the security of Latin American states]. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, no. 2 (28), pp. 210–216. (In Russ.)

6. Manukhin A.A. 2020. Podkhod SShA k sotrudnichestvu s Kolumbiei i Meksikoi v dele protivodeistviya narkotrafiku [The U.S. approach to cooperation with Colombia and Mexico on the issue of countering drug-trafficking]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 6–25. DOI: 10.31857/S0044748X0012274-0. (In Russ.)

7. Lebedeva M.M. (ed.). 2019. *Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke* [Megatrends of world politics and their development in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

8. Morozov D.V. 2017. Tsentral'naya Amerika v regional'noi sisteme nezakonnogo oborota narkotikov [Central America in the regional system of the drug-trafficking]. *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 35–47. (In Russ.)

9. Nizamova S.T., Golovina O.D. 2021. Deglobalizatsiya: novaya volna global'noi ekonomiki [Deglobalization: A new wave of the global economy]. *Menedzhment: teoriya i praktika*, no. 1–2, pp. 85–91. (In Russ.)

10. Martynov B.F. (ed.). 2014. *Organizovannaya prestupnost' — vyzov bezopasnosti Latinskoj Ameriki* [The organized crime — the security challenge to the Latin America]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

11. Davydov V.M. (ed.). 2022. *Perspektiva ustoichivogo razvitiya. Apellyatsiya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiyam* [Prospects of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

12. Martynov B.F. (ed.). 2017. *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoj Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

13. Martynov B.F. (ed.). 2006. *Transgranichniy terrorizm. Ugrozy bezopasnosti i imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: latinoamerikanskii vektor* [Cross-border terrorism. Security threats and imperatives of international cooperation: Latin American vector]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Glinkin A.N. (ed.). 2002. *Transnatsional'nyi narkobiznes: novaya global'naya ugroza* [Transnational drug-trafficking: A new global threat]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

15. Basombria C. (ed.). 2013. *¿A dónde vamos? Analisis de políticas públicas de seguridad ciudadana en América Latina*. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center for Scholars.

16. *América Latina: Nuevos retos en seguridad y defensa*. 2016. Madrid, Instituto Español de Estudios Estratégicos.

17. Sanahuja J.A., Stefanoni P. (eds.). 2022. *América Latina: Transiciones ¿hacia donde? Informe anual 2022–2023*. Madrid, Fundación Carolina.

18. Buelvas J.E.T. 2019. Zonas grises y delincuencia organizada transnacional: Desafíos para la soberanía del estado en América Latina. *Revista Via Iuris*, no. 27, pp. 181–196. DOI: 10.37511/viaiuris.n27a9.

19. Cañas S.S., Rivera J.R. 2017. Democracia, integración y seguridad en América Latina: El crimen organizado transnacional (COT) como desafío. *Revista Enfoques*, vol. 15, no. 27, pp. 149–172.

20. Carbonell J.L. 2021. Una estrategia para derrotar a la insurgencia criminal en el Triángulo Norte de Centroamérica. *Revista Fuerza Aérea-EUA*, no. 2, pp. 46–61.

21. Solis L.G., Aravena F.R. (eds.). 2008. *Crimen organizado en América Latina y el Caribe*. Santiago, Catalonia.

22. Olaeta H. (ed.). 2016. *Delincuencia económica organizada. Tres aproximaciones desde la criminología*. Bernal, Universidad Nacional de Quilmes.

23. Marcella G., Pérez O.J., Fonseca B. (eds.). 2023. *Democracy and security in Latin America. State capacity and governance under stress*. New York, Routledge.

24. Delzo P.E.V. (ed.). 2022. *Desafíos y amenazas a la seguridad en América Latina*. Lima, Centro de Estudios Estratégicos del Ejército del Perú.

25. Diamint R. 2020. *Sin rumbo. Estrategias de defensa en América Latina*. Bogotá, Universidad Sergio Arboleda.

26. Martínez R. (ed.). 2022. *El papel de las fuerzas armadas en la América Latina del siglo XXI*. Madrid, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales.

27. *Evaluación de la amenaza del crimen transnacional organizado en Latinoamérica. Instrumento de Documentación y Evaluación de la amenaza en Latinoamérica (IDEAL)*. 2021. Madrid, Programa El PACCTO.

28. García G.B. 2021. Crimen organizado transnacional y maras en el Triángulo Norte de Centroamérica. *Boletín IEEE*, no. 22, pp. 639–659.

29. González H.A. 2015. Pandillas transnacionales: Un enfoque de seguridad nacional en México. *Revista TeRCi*, vol. 5, no. 1, pp. 139–153.

30. Kessler G. 2014. El crimen organizado en América Latina y el Caribe: Ejes de debate en narcotráfico, el tráfico de armas y de personas. In: Betancourt J.A.Z. (ed.). *El laberinto de la inseguridad ciudadana: Bandas criminales, seguridad de fronteras y regímenes penitenciarios en América Latina*. Buenos Aires, CLACSO, pp. 43–61.

31. Tordini X. (ed.). 2018. *La guerra interna: Como la lucha contra las drogas está militarizando América Latina*. Buenos Aires, Centro de Estudios Legales y Sociales.

32. Sampo C., Alda S. (eds.). 2019. *La transformación de las fuerzas armadas en América Latina ante el crimen organizado*. Madrid, Real Instituto Elcano.

33. Mesa M., Moorhouse E. 2008. *Documento de trabajo: Claves para entender la violencia de carácter transnacional en Centroamérica*. Madrid, CEIPAZ.

34. Rodríguez D.D. 2019. El involucramiento militar en materia de seguridad pública: Una cuestión inconclusa que se reinstala en Latinoamérica ante el desafío del crimen organizado transnacional. *Estado & Comunes*, vol. 2, no. 9, pp. 133–153. DOI: 10.37228/estado_comunes.v2.n9.2019.121.

35. Sain M.F., Games N.R. 2015. *Tendencias y desafíos del crimen organizado en Latinoamérica*. Buenos Aires, Universidad Metropolitana para la Educación y el Trabajo.

36. Santana A. 1999. A globalização do narcotráfico. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 42, no. 2, pp. 99–116. DOI: 10.1590/S0034-73291999000200006.

37. Vila I.O. 2012. Las pandillas transnacionales centroamericanas. *VI Congreso de Relaciones Internacionales*, Noviembre 2012, pp. 1–19.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 06.07.2023; принята к публикации 21.08.2023

The paper was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 06.07.2023; accepted for publication 21.08.2023